

Семиотический анализ бреда

Пашковский В.Э.

ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова»
Минздрава России

Резюме. Проблема бреда является наиболее сложной в психопатологии. В существующих определениях бреда отсутствует четкий дискриминантный признак, позволяющий надежно отличать его от других психопатологических феноменов. В данной статье предложен подход, позволяющий рассматривать бред как семиотический объект, имеющий знаковую природу. В статье подчеркивается, что человек наряду с биологическими средствами переработки и хранения информации использует естественные и искусственные знаковые системы. Само отражение в нашем сознании объективной действительности также является информационным процессом, имеющим знаково-символическую структуру. Поэтому использование идей и методов современной семиотики становится той концептуальной базой, которая может расширить наши представления о психопатологии бреда. Деструкция семиозиса, т.е. процесса порождения значения, по-видимому, является той дискриминантой, которая позволяет отличать бред от других сходных явлений, например, от сверхценных идей.

Ключевые слова: бред, семиотика, лингвистический знак, коммуникативный процесс.

Semiotic analysis of delusion

Pashkovskiy V.E.

I.I. Mechnikov North-Western State Medical University, Saint Petersburg

Summary. Delusion is the most difficult problem in psychopathology. In the existing definitions of delusion there is no clear indication of the discriminant that enables us to reliably distinguish it from other psychopathologic phenomena. This paper proposes an approach to examine delusion as semiotic object that has a symbolic nature. The paper accentuates that a person, along with the biological means of processing and storage of information uses natural and artificial sign systems. Self reflection in our consciousness of objective reality is also an information process with sign-symbolic structure. Therefore, the use of ideas and methods of modern semiotics becomes the conceptual framework that can expand our understanding of the psychopathology of delusion. Destruction of semiosis, ie, the process of generating value, apparently is that discriminant, which allows us to distinguish delusion from other similar phenomena, for example, from overvalued ideas.

Key words: delusion, semiotics, linguistic sign, communicative process

В последние годы внимание исследователей были сосредоточены на критическом осмыслении определений бреда и поиску его эссенциалистских характеристик. Обобщив множество определений классиков психиатрии и современных авторов, М.И.Рыбальский [15] дал сводное определение, в котором отметил, что «сущность бреда заключается в специфическом или неспецифическом нарушении познавательных, ассоциативных и апперцептивных процессов, предопределяющих возникновение суждений и умозаключений, не соответствующих объективной реальности, пространству, времени и противоречащих в большинстве случаев основным законам формальной логики». Критика определения бреда показала, что ложность, несоответствие реальности, некорректируемость не являются ни необходимыми, ни достаточными признаками для его идентификации. В учении о бреде наметился гносеологический разрыв между его распознаванием, т.е. способностью обнаруживать в потоке информации определённые объекты, закономерности, явления и определением, т.е. отображением существенных признаков, свойств и характеристик объекта с целью формирования отличий от других объектов [11, 26, 27, 28, 29]. Положения не

исправил и перенос акцента на экзистенциональное поле. Так, дефиниция, данная С.Ю. Циркиным [20], определяющая бред как «новое понимание жизнеопределяющего смысла собственной индивидуальной ситуации неадекватно сохраняющемуся опыту и прежним личностным характеристикам» не дает оснований предполагать, что это «новое понимание» присуще только бреду и не имеет места, к примеру, при шизофреническом аутизме. Нехватка в определении бреда дискриминантного признака отчетливо видна при сопоставлении с другим психопатологическим феноменом — галлюцинациями. Возникновение галлюцинаций без реального объекта восприятия, без реального раздражения органов чувств является дискриминантным признаком, надежно отличающим их от всех других видов обманов восприятия. Существует ли такой же надежный признак у бреда, который затрагивал бы все клинические случаи и позволил бы надежно отличать бред от ошибок, заблуждений, других психопатологических феноменов, например, сверхценных идей?

Примечательно то, что сверхценные идеи, описанные С.Wernicke [30] «теоретически и практически в клинике неоднократно смешивались с бредовыми идеями и навязчивыми представлениями»

ми, а иногда само понятие целиком отвергалось» [8]. Поэтому поиск дискриминантного признака представляет не только академический интерес, но и практическую значимость. Возникает вопрос — достаточен ли понятийный ресурс психиатрии для решения этой задачи или необходимо прибегать к контактам со смежными дисциплинами? Подобные контакты осуществлялись психиатрией неоднократно. Достаточно вспомнить влияние феноменологической философии Э. Гуссерля на К. Ясперса [23], психологии Гештальта на К. Конрада [6], психоанализа З. Фрейда и К.Г. Юнга на Е. Блейлера [2]. Где же искать общую концептуальную базу для всех подходов, которые пытаются проникнуть в тайну бреда? Поиск, как нам представляется, должен касаться проблемы *значения*. Человек наряду с биологическими средствами переработки и хранения информации использует естественные и искусственные знаковые системы. Само отражение в нашем сознании объективной действительности также является информационным процессом, имеющим знаково-символическую природу. Поэтому использование идей и методов современной семиотики становится той концептуальной базой, которая может расширить наши представления о психопатологии бреда. Один из основоположников семиотики Ч. Моррис писал: «Отношение семиотики к наукам двоякое: с одной стороны, семиотика — это наука в ряду других наук, а с другой стороны, это — инструмент наук. Важное значение семиотики кроется в том, что это — определенный шаг вперед к унификации науки, поскольку она закладывает основы любой другой частной науки о знаках — такой, как лингвистика, логика, математика, риторика и (по крайней мере до известной степени) эстетика.

Понятие знака может оказаться важным для объединения социальных, психологических и гуманитарных наук, когда их отграничивают от наук физических и биологических» [9]. Говоря о том, что знаки должны быть интерпретированы, чтобы быть знаками, Ч.Пирс [13] вводит понятие интерпретанты. Интерпретанта — это перевод, истолкование, концептуализация отношения знак/объект в последующем знаке (например, определенная реакция человека на воспринимаемый знак; объяснение значения данного слова с помощью других слов и т. д.). Каждый знак способен породить интерпретанту, и этот процесс фактически бесконечен. Поскольку семиотика родилась на стыке нескольких наук — философии, логики, психологии, нейрофизиологии, лингвистики и некоторых других, терминопотребление в разных семиотических трудах значительно расходится [14].

Проведем семиотический анализ на примере одной из словарных статей из толкового словаря [17]: «**ПИЛИТЬ** — пилю, *пилишь*; *пилящий*, *несов. 1. что. Разрезать твердое вещество (дерево, металл) пилой. Пилить дрова. 2. перен., кого-что. Мучить, донимать непрерывными попреками, придирками (разг. фам.). Часто со смехом рас-*

сказывал, что когда ночью «супружница начинает пилить его», то он обыкновенно берет подушку и, посвистывая, уходит в кабинет. Чехов. Жена... бранила и пилила меня за это. Л. Толстой».

Человек передает информацию о предметах внешнего мира (так называемых *референтах*) с помощью материальных, чувственно воспринимаемых и удобных в общении объектов — звуковых, графических (буквенных), световых и др. сигналов. Между референтом и сигналом, например между реальной *пилой* и буквенной или звуковой цепочкой *пила* нет изначальной связи. Эта связь, имеющая условный характер, устанавливается человеком в процессе его познания внешнего мира и общения с другими людьми. Средством, воплощающим эту связь, является лингвистический знак [10, 12, 16].

Лингвистический знак, в свою очередь, представляет собой двуединую психическую сущность, состоящую из *означаемого*, которое отражает некоторый объект внешнего мира, замещает его в сознании человека, и *означающего*, которое есть психическое отражение сигнала. Означаемое в отличие от означающего имеет сложное строение и включает три компонента. Первый — *денотат* — есть целостный, нерасчленимый на детали образ — гештальт, выступающий в нашем сознании в качестве типичного заместителя референта (в нашем случае *пилы*), *де-сигнат*, представляющий собой более сложное образование, замещает в нашем сознании референт не в виде целостного отражения, но путем указания на его главный признак (концепт) или на совокупность этих признаков. Так, *пилить* — это «разрезать твердое вещество (дерево, металл) пилой». Наиболее подвижным компонентом означаемого знака является коннотат, в котором концентрируются дополнительные значения, эмоционально-эстетические оценки и ассоциации, отражающие не только коллективный опыт социума, но и субъективный опыт отдельных его членов. Коннотации представляют собой разнovidность прагматической информации, отражающей не сами предметы и явления, а определенное отношение к ним. В нашем случае коннотатом является выражение «*мучить, донимать непрерывными попреками, придирками*». О субъективных коннотативных осмыслениях отдельных слов Л.Н. Толстой [18] писал так: «У нас с Володей установились следующие слова с соответствующими понятиями: изюм означало тщеславное желание показать, что у меня есть деньги... шишка означала что-то свежее, здоровое, изящное, но не щегольское». Термины *де-сигнат* и *коннотат* аналогичны психолингвистическим категориям значения и смысла, относительно которых нет единого толкования. Значение то отождествляется с идеей, то понимается как объективно сложившаяся система знаний или как совокупность типичных случаев употребления языковой единицы [1]. Категория смысла также не однозначна. В одних школах подчеркивается роль прагматического фактора для

Рис. 1. Схема коммуникативной системы

формирования смысла, в других смысл лишается субъективности, индивидуальности, психологизма и подчеркивается, что «в идеале соответствие между знаками, смыслами и денотатами должно быть устроено таким образом, чтобы всякому знаку всегда соответствовал один определенный смысл, а всякому смыслу в свою очередь всегда соответствовал один определенный денотат; в то же время денотату (вещи) может соответствовать не один смысл, а несколько, и один и тот же смысл может выражаться разными знаками не только в разных языках, но и в пределах одного и того же языка» [19].

В рамках рассматриваемой концепции лингвистического знака нами подтверждается принятая в психолингвистике трактовка смысла как категории, имеющей субъективный характер и складывающейся из тех связей, которые имеют отношение к определенной субъективной ситуации. Неоднозначность толкования смысла связано с процессом *семиозиса*, который представляет собой процесс интерпретации знака, или процесс порождения значения.

Процесс семиозиса включен в коммуникативную систему, включающие в идеале следующие компоненты [12]:

1. Источник (отправитель) сообщения;
2. Канал с шумом, по которому передается сообщение;
3. Знак: а) означающее (имя, носитель информации), означаемое (денотат, десигнат, коннотат);
4. Приемник сообщения
5. Интерпретация сообщения в приёмнике, т.е. готовность последнего реагировать на означающее знака и выдавать ответный эффект;
6. Контекст, т.е. окружение, в котором осуществляется интерпретация сообщения;
7. Реализация реакции адресата на распознанное и проинтерпретированное в ходе семиозиса сообщение;

8. Наблюдатель извне (метанаблюдатель) (рисунки 1)

В условиях нормы все три компонента означающего диалектически связаны и детерминируют друг друга. Смысл возможен постольку, поскольку существуют значения, значения существуют не сами по себе, а ради смысла [5]. Какие же взаимоотношения между денотатом, десигнатом и коннотатом при бреде? Для ответа на этот вопрос рассмотрим следующий клинический пример.

Больная Т.Б., 61 г. Наследственность психическими заболеваниями не отягощена, родилась в крестьянской семье второй из семи детей. Отец — по характеру добрый, мягкий, но «любил выпить», умер от «гангрены ног» в возрасте 77 лет. Мать умерла от рака желудка в возрасте 80 лет. По отношению к дочери иногда проявляла жестокость («Когда мне было 7 лет, принесла котенка. Мать сильно меня избила. До сих пор помню. Потом соседка пожаловалась, что я выдергала у нее морковь. Мать избила меня ремнем. Потом оказалось, что морковку погрыз кролик»). Обследуемая в школе училась хорошо, классов не дублировала. В школьные годы работала на сельскохозяйственных работах. После окончания 7 классов закончила культурно-просветительную школу и получила специальность «организатор и методист клубной работы». Первое место работы — заведующая клубом в леспромхозе. Через год закончила библиотечные курсы, работала в районной библиотеке. В 20 лет вышла замуж, уехала к мужу. Родила трех сыновей. Семейная жизнь не сложилась, муж «любил других женщин», ушел из семьи. Воспитывала сыновей одна. В настоящее время старший сын работает на заводе, средний — наемный рабочий, «ходит по подрядам», младший — шахтер. («Дети работающие, у них золотые руки, все их уважают»).

Переехав к мужу, работала официанткой, буфетчицей, после того, как муж получил травму, устроилась на подземные работы в шахту, стаж подземных работ — 9,5 лет. Затем работала газо-

электросварщицей, свиначкой. Последнее место работы — зав. базой отдыха. С 45 лет на пенсии. Повторно была замужем 2 раза, все мужья умерли. Из перенесенных заболеваний указывает на лямблиоз в 1982 г, «ишемию сердца», «болезнь ног». Лечиться предпочитает березовыми отварами. За медицинской помощью к невропатологу не обращалась. Травмы головы, припадки, туберкулез, венерические болезни отрицает. Месячные закончились в 52 года. С 1985 года проживает в райцентре, в собственном доме с участком. В строительстве и обустройство дома вложила много сил и средств.

По соседству проживал Д. с семьей. Однажды «заметила», что у нее пропали мазь от радикулита, 2 наволочки, канва, гребешок, а затем объем краж существенно расширился: исчезли стройматериалы, кирпич, доски. Продолжала замечать пропажу наволочек, носок, чулок, трусов, туфель, комбинаций, кофточек, туфель. Свои верхние вещи «видела» на дочери Д., а, когда он строил гараж, была убеждена, что в ход пошли принадлежащие ей стройматериалы. Последние 5 лет постоянно обращалась в правоохранительные органы, требуя привлечь соседей к уголовной ответственности.

Все проведенные проверки ее жалоб фактического подтверждения не нашли. Не находила понимания не только у представителей правоохранительных и административных органов, но и у сыновей. Подала исковое заявление в суд на должностных лиц, в котором указывала на причиненный ей моральный ущерб, заключающийся в недоверчиво-настороженном отношении к ней детей и знакомых, которым по вине ответчиков стала известна негативная информация о Т.Б.; утрате веры в законность и справедливость, недоверии к органам власти и должностным лицам; невозможности возмещения материального вреда, причиненного кражами имущества; втягивании в тяжелейший спор и волокиту, переписку, хождения по инстанциям, поездки, обращения в суд и связанные с этим вынужденные расходы.

В ходе подготовки к слушанию дела Т.Б. была проведена амбулаторная судебно-психиатрическая экспертиза. В ходе экспертизы высказывала угрозы в адрес соседей: «Если я этих соседей застану в доме, я вставляю им топор в спину. Если застану — так и сделаю, мне ничего не будет, я в этом уверена. Обворовывают, ложки, вилки, стаканы — абсолютно все прут». В дальнейшем продолжала высказывать твердые убеждения в том, что ее обворовывают соседи, но, вместе с тем, при целенаправленном расспросе не заявляла агрессивных поползновений в адрес соседей, а высказывала намерение добиться справедливости законным путем, т.е., чтобы психиатр признал ее психически здоровой и чтобы ответственные лица, причастные к этому понесли наказание.

Психическое состояние при осмотре. Сознание не помрачено, ориентирована в месте, времени, собственной личности. Эмоциональный фон изменчив. При выяснении фактов биографии и об-

суждении нейтральных вопросов — настроение ровное, спокойное, когда же затрагиваются темы обкрадывания ее соседом — становится взволнованной, напряженной. Память не нарушена, иногда путает даты обращения в различные инстанции, но при уточнении быстро корректирует. Обстоятельно, подробно, скрупулезно перечисляет «украденные» у нее предметы — от иголок и гребешков до стройматериалов. Твердо убеждена, что ворует сосед и никто другой, подкрепляет свои утверждения доказательствами: «Видела наволочки в доме Д. Его жена и дочери носят мои блузки, белье, трусы... из моих кирпичей построил гараж. 360 штук моего кирпича положил вовнутрь, а белый снаружи... украл картошку. У меня была хорошая, крупная, а он мою взял, а насыпал свою, мелкую... 7 ноября пришла соседка, сказала, что у меня калитка открыта. Стала проверять, а калитка закрыта. Значит, сосед сидел под верандой, выслеживал, а когда я стала выходить, проверять — незаметно ушел...ворует не только у меня, а и у соседей... жила около его дома женщина из Таллина. У нее был черный шкаф и два кресла. А когда дом горел, то кресла из дома не выносили, значит, украл сосед. Рассказала, что следила за соседом: «Спряталась в сарае, увидела, что среди железа что-то протянули, я зашевелилась, и это обратнo вытянули. Он очень ушлый вор... Сосед не удовлетворяется воровством, а подает знаки. Обворует, а потом среди ночи по телефону позвонит — беру трубку, никто не отвечает, то в окно постучит, то что-то переставит или уронит. Сажу на веранде — дверь перекосилась — а сверху дырочка... Он за себя оставляет знаки... Спрятала лампочки в туалетную яму. Украл их оттуда. А на телевизоре лежал белый лист. Это знак... Или чашка новая, я ее не вытаскивала, почему оказалась на другом месте. Это не дети мои, дети порядочные люди, зачем им брать чашку и ставить на другое место?».

Отмечает, что сосед в последние годы не только ворует, но и наносит ущерб: «Угрожает, хочет спалить сарай. Заметила подожженную балку, позвонила в милицию. Пришла милиция, понятые, сказали: «Надо ж придумать, здесь дрова, сено, следов поджога никаких». Считает, что милиция не хочет ни в чем разбираться: «Значит, запалили в другом углу». Продолжая повествование о соседе, заявляет: «Последняя кража — поймал курицу, выдрал ей бок, бросил моей собаке в будку, чтобы приучить ее драть курей. Собака бурчит-бурчит до вечера, я подхожу, вытаскиваю курицу и вижу, что бок не ободран, а перья вырваны. Сосед ворует курей, а петухам отворачивает головы и выбрасывает». Считает, что милиция соседа прикрывает, поскольку он раньше распорядился неучтенным лесом и строил милицейским начальникам дачи. Полагает, что районный психиатр тоже связана с соседом: «Она возила на скорой помощи отходы, а сосед откармливал ей поросенка». Категорически не допускает осуществления краж другими лицами: «Больше никто не может красть — у меня дом всегда заперт». Себя

характеризует с положительной стороны — работающей, целеустремленной. Заявляет, что намерена и впредь добиваться справедливости. Критики к своему состоянию не высказывает.

Таким образом, обследуемая, до болезни целеустремленная, стеничная, примерно с 52 лет высказывает монотематические идеи преследования (постоянное обкрадывание соседом). Особенностью этих идей является их систематизация и паралогическое истолкование могущих быть в реальной действительности фактов. Дырочка, появившаяся на веранде, лист бумаги на телевизоре, появившаяся чашка на столе — все это служит «бесспорным» доказательством обворовывания. Обращают на себя внимание масштабность «воровства» — от иголок, платков, трусов до объемных стройматериалов, убежденность в том, что лица (милиционеры, психиатр), отрицающие излагаемые ею факты связаны общими материальными интересами. Эмоциональная напряженность, стойкость и не критичность, сопровождающие идеи обворовывания, приводят к постоянной активности в виде составления жалоб в различные инстанции, инициировании судебных разбирательств. Достаточен ли клинический анализ для отнесения наблюдаемых у Т.Б. идей ущерба либо к бредовым, либо к сверхценным? Как отмечает К. Ясперс [24, с.144] «сверхценные идеи следует четко отличать от бреда в собственном смысле, которые могут быть поняты на основе знания о свойствах и ситуации данной личности». Иной подход предлагает семиотический анализ.

В данном случае анализируется сообщение, источником (отправителем) которого является Т.Б., приёмником — врач-психиатр, для которых исследуемая ситуация понимается по — разному. Как для отправителя, так и для приёмника сообщения общим является десигнат. Системно-языковое значение слова «воровство» как «хищение чужого имущества, кража» с формальной точки зрения одинаково понималось участниками коммуникативного процесса. Однако на денотативном уровне возникли разногласия. «Воровство» в сознании отправителя сообщения (в нашем случае Т.Б.) отражалось в восприятии предметов: мази от радикулита, двух наволочек, канвы, гребня как украденных вещей. Возможность таких краж, хоть и с очень малой вероятностью еще можно допустить. Однако, «видение» большинства интимных предметов своего туалета на жене и дочери соседа представляется непостижимым, тем более что до посещения квартиры Д. пациентка пропала перечисленных предметов не отмечала. Таким образом, деформация денотата, выявляемая у отправителя сообщения, существенно влияет на понимание авторского смысла его приёмником.

Переходя к анализу коннотата, напомним, что коннотативное значение — это дополнительное значение, которое предполагается или подразумевается или выражается словом, символом, жестом или событием. В системе языка коннотативные значения связаны с инвариантом. Например, коннотат «донимать беспрерывными попреками»

связан в словаре с инвариантом «пилить — «разрезать твердое вещество (дерево, металл) пилой». Коннотаты, наблюдаемые у Т.Б.: «ночные звонки по телефону», «стук в окно», «белый лист бумаги на телевизоре», «перестановка чашек», «ощипывание кур», «мебель, которую не вынесли из горящего дома» имеют сугубо индивидуальный смысл и вряд ли могут быть интерпретированы приёмником сообщения как «обворовывание».

Эти различия в коммуникативном процессе, заключающиеся в различном понимании сообщения хорошо показаны К. Конрадом [7] при обсуждении случая с ефрейтором Карлом Б., который интерпретировал все происходившее с ним как «проверку»: «Его формулировки — «проинструментированы», «установлено», «уловки», «подготовлено», «проверяют», «сговорились», «намекали», «утаивали», «незаметно» и т.д. — охватывают, кажется, всё изобилие окружающих его событий. Вслушиваясь в его изложение, мы без труда понимаем то, что произошло в действительности. Хотя мы видим происходящее его глазами — ведь именно он ведет нас внутрь своего «мира», — сквозь его чрезвычайно наглядно изображенный мир для наблюдателя отчетливо проступает мир действительный. У нас не возникает никаких сомнений относительно того, как все происходило. Изобилие его формулировок, в сущности, все время основывается на одном и том же. Поскольку то, что он именуется «проинструментированным», «установленным», «уловками» и т.д., представляет собой одно и то же: формальный критерий его переживания, а именно, апофению. Если мы опустим этот критерий и будем придерживаться реальный, то обнаружим только вполне банальную военную ситуацию с автобусом, квартирой, товарищем, кружкой пива, официанткой, постелью с товарищем, автозаправочной станцией, распиской в получении бензина, или в отношении поездки: кучу соломы, камни, овцу на обочине, велосипедистов, наконец, лазарет. Он видит то, что увидел бы каждый, если бы ехал вместе с ним. И он также не видит ничего иного, за одним исключением — все компоненты поля имеют к нему отношение».

На всех этапах семиозиса происходит формирование теморематических конструкций, где тема (исходный пункт высказывания) — это та часть высказывания, которая известна получателю, а рема (ядро) — новая и ему неизвестная. Ядром она называется потому, что именно ради этой части высказывания само это высказывание и порождается. Наиболее известными темами в бредовых высказываниях являются идеи преследования, отношения, грандиозности (величия), эротоманические, нигилистические, причудливые (DSM) [25]. Ремой в бредовых высказываниях является приведение доказательств, которые мы обозначаем как интенциональный сдвиг в сторону коннотата. Анализируя бред ревности, К. Ясперс [22] отмечал: «Самые безобидные происшествия, изменения в поведении, случайные встречи на улице, «встреча взглядов в воздухе», подозритель-

ные шумы, беспорядок в комнате, покраснение и неуверенность жены, визиты и т. д. служат достаточными основаниями для самых далеко идущих выводов. Очевидно, что эти события не были поводом к ревности, а уже имеющаяся ревность искала основания и нашла их. Несмотря на это, скрытая ревность может из-за случайных «наблюдений» такого рода разгореться вновь».

Каков же механизм этого интенционально-го сдвига в сторону коннотата? К. Ясперс считал, что «если действительные происшествия истолковываются таким образом, то обычно чаще всего также добавляются иллюзорные фальсификации восприятия. Видят и слышат больше, чем случайный треск дров, не имеющие значения пятна, всегда встречающиеся тени и т. п.». Иной точки зрения придерживался К. Шнайдер, для которого подобные явления не являются ни иллюзиями, ни галлюцинациями, а относятся к бредовым восприятиям. По К. Шнайдеру [21], «мы говорим о бредовом восприятии в тех случаях, когда действительному восприятию без объяснимой рационально или эмоционально причины придается аномальное значение, большей частью в плане связи с собственной личностью... Поскольку речь идет не о заметном изменении воспринимаемого, а об аномальном толковании, бредовое восприятие относится не к нарушениям восприятия, а к нарушениям «мышления»... Бредовое восприятие логически расчленяется на два элемента. Первый идет от воспринимающего человека к воспринимаемому предмету, второй — от воспринимаемого предмета к аномальному смыслу. При этом не существует принципиальной разницы между каким-то оптически воспринимаемым предметом и понятным в языковом отношении смыслом услышанных или прочитанных слов. По сути своей это, конечно, разные вещи».

Проблема значения — центральная проблема семиотики — глубоко проанализирована в трудах классиков психиатрии. Феномен патологического сознания значения описан К. Ясперсом [24, с. 136]: «Спектр бредовых восприятий простирается от переживания некоего смутного значения до отчетливых бредовых наблюдений и бредовых идей отношения ...больным удается определить значения, когда имеет место бред отношения (*Beziehungswahn*); воспринимаемые предметы и события переживаются как нечто, очевидным образом связанное с самим больным». О «необоснованном установлении связи» говорил Г. Груле [4]: «Что касается содержания задания, то он (*больной — В.П.*) правильно понял значение слова... все же в его мышлении отсутствует система. Скорее, у него присутствуют отдельные мысли, связанные одна с другой, другая с третьей, по это смысловые связи, как между соседними звеньями цепочки, словно человек отдался пустым мечтаниям без цели. Нет строгой дисциплинированности мышления». Наконец, феномен патологического сознания значения, обозначенный как «*апофения*» — наиболее детально разработан К. Конрадом [7, с. 128]. В начале «апо-

фения выражена в минимальной степени. Здесь звучит именно патологическое сознание значения, разрыхление связности восприятия не значительно, наступление сущностных качеств едва заметно. Зачастую эта форма обнаруживается в самом начале бреда, постепенно выделяясь из бредового настроения». Конечной же стадией является переживание пребывания в центре внимания, как если бы все мировые события вращались вокруг больного.

При идентификации сообщения как бредового наиболее значимая информация содержится в *реме*, в которой развитие темы происходит путем доказывания. Так, доказательствами преследования в сообщениях нашей пациентки С.К. служат следующие «факты»: 1) разговор двух молодых людей у входа в подъезд; 2) на обложке словаря русского языка в заглавии чем-то замазаны буквы С и Л; 3) в книге по истории СССР подчеркнута фраза «за невесту берут калым», 4) записка на столе: «Я артист, я повторяю», 5) найденное в плафоне письмо с текстом: «Вы бросили семью на произвол судьбы, а бедная вдова ходила к дочке в больницу». Чем можно объяснить коннотативные сдвиги подобного рода?

Изучая шизофреническое мышление, Л.С. Выготский [3] установил, что при шизофрении очень рано начинают патологически изменяться значения слов с образованием своеобразных комплексов. «Существенным признаком, отличающим комплекс от понятия, является то, что в основе его лежат связи, объединяющие группу различных предметов в одно целое, так же, как и при понятии, но эта связь носит конкретный, фактический характер в отличие от абстрактного и общего характера тех связей, на основе которых строится понятие... При этом каждый элемент будущего комплекса может войти в его состав на основании близости в том или ином признаке с любым другим элементом того же комплекса, но отнюдь не со всеми другими элементами этого комплекса в целом».

Итак, приведенный в данном исследовании материал позволяет обосновать дискриминантный признак бреда. И возникновение суждений и умозаключений, не соответствующих объективной реальности, и противоречие с законами реальной логики, и отсутствие критики, составляя сущность бреда, сами по себе дискриминантными признаками не являются. Бред — психопатологический феномен, который традиционная психопатология относит к расстройствам мышления, представляет интерес и для других наук, исследующих проблему значения. Деструкция семиотика, т.е. процесса порождения значения, по-видимому, и является той дискриминантой, которая позволяет отличать бред от других явлений, например, от сверценных идей. В клиническом аспекте это выражается в «патологическом сознании значения», в психологическом — в «патологическом изменении значений слов», в семиотическом — в интенциональном сдвиге в сторону коннотата.

Литература

9. Аполлонская Т.А., Глейбман Е.В., Маноли И.З. Порождающие и распознающие механизмы функциональной грамматики. — Кишинев: Штиинца. — 1987. — 171 с.
10. Блейлер Е. (Bleuler E.) Аутистическое мышление. Пер. с нем. — Одесса : друк. «Поліграф». — 1927. — 81 с.
11. Выготский Л.С. Нарушение понятий при шизофрении /Л.С.Выготский Избранные психологические исследования. — М.: Издательство АПН РСФСР. — 1956. — с. 481-496.
12. Груле Г. Психология шизофрении. Пер. с нем. — Независимый психиатрический журнал. 2009. — №4 — с. 42-56.
13. Звегинцев В.А. Теоретическая и прикладная лингвистика. — М.: Просвещение. — 1967. — 338 с.
14. Конрад К. Геитальт анализ в психиатрических исследованиях. Пер. с нем. — Независимый психиатр. журнал. — 2015. — № 3. — С. 9-16.
15. Конрад К. Начинаящаяся шизофрения. Опыт геитальт-анализа бреда. Пер. с нем. — М.: Грифон. — 2015. — 316 с.
16. Морозов В.М. К вопросу о сверхценных идеях / В.М. Морозов Избранные труды — М.: Медиа Медика. — 2007. — С. 91-104.
17. Моррис Ч.У. Основания теории знаков. Пер.с англ. / Семиотика. Сборник переводов. Под ред. Ю.С. Степанова. — М.: Радуга, 2002. — С. 45 — 96.
18. Пашковский В.Э., Пиотровская В.Р., Пиотровский Р.Г. Психиатрическая лингвистика. Изд. 2-е, испр. и доп. — М.: Книжный дом «Либроком». — 2009. — 168 с.
19. Пашковский В.Э. Что такое бред? — Психопатология и аддиктивная медицина. — 2016. — Т.2. — С. 9-15.
20. Пиотровский Р.Г. Текст, машина, человек. — Л.: Наука. — 1975. — 327с.
21. Пирс Ч.С. Избранные философские произведения. Пер. с англ. — М.: Логос. — 2000. — 412с.
22. Попова З.Д. Знаковая ситуация в лингвосемiotике. — Вестник ВГУ. Серия Гуманитарные науки. — 2005. — № 2. — С. 208-216.
23. Рыбальский М.И. Бред Систематика, семиотика, нозологическая принадлежность бредовых, навязчивых, сверхценных идей. — М.: Медицина. — 1993. — 367 с.
24. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики. Пер. с франц. / Под ред. и с примеч. Р.И. Шор. 3-е изд., стер. — М.: КомКнига. — 2006. — 256 с.
25. Толковый словарь русского языка / Под ред. Д.Н. Ушакова. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей. — 1939. — Т. 3. — 1424 с.
26. Толстой Л.Н. Детство. Отрочество. Юность. /Л.Н.Толстой Собрание сочинений в 20 томах. — Л.: Гослитиздат. — 1966. — Т. 1. — 463 с.
27. Фреге Г. Смысл и денотат. Пер. с нем. — Семиотика и информатика. Opera selecta. — 1997. — № 35. — С. 352-379.
28. Циркин С.Ю. Аналитическая психопатология. 3-е изд., переработанное. — М.: Издательство БИНОМ. — 2012. — 228 с.
29. Шнайдер К. Клиническая психопатология. Изд. 14-е. Пер. с нем. — Киев: Сфера. — 1999. — 236 с.
30. Ясперс К. Бред ревности / К.Ясперс. Собрание сочинений по психопатологии в 2 т. Пер. с нем. Т.1. — М.: Издательский центр «Академия»; СПб.: «Белый кролик». — 1996. — с. 123-204.
31. Ясперс К. Феноменологическое направление исследования в психопатологии / К.Ясперс Собрание сочинений по психопатологии в 2т. Пенс нем. Т.2. — М.: Издательский центр «Академия»; СПб.: «Белый кролик». — 1996. — С. 91-111.
32. Ясперс К.Общая психопатология. Пер с нем.- М.: Практика. — 1997 — 1056 с.
33. Diagnostic and statistical manual of mental disorders. Fifth edition DSM-5TM. — Washington, DC London: APA. — 2013. — 947 p.
34. Flaum M., Arndt S., Andreasen N.C. The reliability of «bizarre» delusions. — Compr. Psychiatry. — 1991. — Vol. 32. — №1. — P. 59-65.
35. Mojtabai R. Delusion as error: the history of a metaphor. — Hist Psychiatry. — 2000. — Vol. 11. — P. 3-14.
36. Rodrigues A.C., Banzato C.E. Construct representation and definitions in psychopathology: the case of delusion. — Philos Ethics Humanit Med. — 2010. — № 25. — P. 5.
37. Sedler M.J. Understanding delusions. — Psychiatr Clin North Am. — 1995. — Vol. 18. — № 2 — P. 251-262.
38. Wernicke C. Grundriss der Psychiatrie in klinischen Vorlesungen. — Leipzig. Thieme. — 1900. — 576 s.

References

1. Apollonskaja T.A., Glejzman E.V., Manoli I.Z. Porozhdajushhie i raspoznajushhie mehanizmy funkcional'noj grammatiki. — Kishenev: Shtiinca. — 1987. — 171s.
2. Blejler E. (Bleuler E.) Autisticheskoe myshlenie. Per. s nem. — Odessa : dрук. «Poligraf». — 1927. — 81s.
3. Vygotskij L.S. Narushenie ponjatij pri shizofrenii /L.S.Vygotskij Izbrannye psihologicheskie issledovaniya. — M.: Izdatel'stvo APN RSFSR. — 1956. — S. 481-496.
4. Grule G. Psihologija shizofrenii. Per. s nem. — Nezavisimyj psihiatricheskij zhurnal. 2009. — №4 — S.42-56.
5. Zvegincev V.A. Teoreticheskaja i prikladnaja lingvistika. — M.: Prosveshhenie, 1967. — 338 s.

6. Konrad K. *Geshtal't analiz v psihiatricheskikh issledovanijah. Per. s nem. — Nezavisimyj psihiatr. zhurnal.* — 2015. — № 3. — S. 9-16.
7. Konrad K. *Nachinajushhajasja shizofrenija. Opyt geshtal't-analiza bredda. Per. s nem.* — M.: Grifon. — 2015. — 316 s.
8. Morozov V.M. *K voprosu o sverhcennyh idejah /V.M.Morozov Izbrannye trudy—M.: Media Medika.* — 2007. — S. 91-104.
9. Morris Ch.U. *Osnovanija teorii znakov. Per.s angl. / Semiotika. Sbornik perevodov. Pod red. Ju. S. Stepanova.* — M.: Raduga, 2002. — S. 45-96.
10. Pashkovskij V.Je., Piotrovskaja V.R., Piotrovskij R.G. *Psihiatricheskaja lingvistika. Izd.2-e, ispr. i dop.* — M.: Knizhnyj dom «Librokom». — 2009 — 168 s.
11. Pashkovskij V.Je. *Chto takoe bred? — Psihopatologija i addiktivnaja medicina.* — 2016. — T.2. — №1.- S. 9-15.
12. Piotrovskij R. G. *Tekst, mashina, chelovek.* — L.: Nauka. — 1975. — 327 s.
13. Pirs Ch.S. *Izbrannye filosofskie proizvedenija. Per. s angl.* — M.: Logos. — 2000. — 412 s.
14. Popova Z. D. *Znakovaja situacija v lingvosemiotike.* — Vestnik VGU. Serija Gumanitarnye nauki. — 2005. — № 2. — S. 208-216.
15. Rybal'skij M.I. *Bred Sistematika, semiotika, nozologicheskaja prinadlezhnost' bredovyh, navjazchivyh, sverhcennyh idej.* M.: Medicina, 1993 — 367 s.
16. Sossjur, F. de. *Kurs obshhej lingvistiki. Per. s franc. / Pod red. i s primech. R. I. Shor. 3-e izd., ster.* — M.: KomKniga. — 2006. — 256 s.
17. *Tolkovyj slovar' russkogo jazyka / Pod red. D.N. Ushakova.* — M.: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannyh i nacional'nyh slovarej. — 1939. — T. 3. — 1424 c.
18. Tolstoj L.N. *Detstvo. Otrochestvo. Junost'. /L.N.Tolstoj Sobranie sochinenij v 20 tomah. T.1.* — L.: Goslitizdat. — 1966. — 463 s.
19. Frege G. *Smysl i denotat. Per. s nem. — Semiotika i informatika. Opera selecta.* — 1997. — № 35. — S. 352-379.
20. Cirkin S.Ju. *Analiticheskaja psihopatologija. 3-e izd., pererabotannoe.* — M.: Izdatel'stvo BINOM. — 2012. — 228 s.
21. Shnajder K. *Klinicheskaja psihopatologija. Izd. 14-e. Per. s nem.* — Kiev: Sfera. — 1999. — 236 s.
22. Jaspers K. *Bred revnosti /K.Jaspers. Sobranie sochinenij po psihopatologii v 2t. Per. s nem. T.1.* — M.: Izdatel'skij centr «Akademija»; SPb.: «Belyj krolik». — 1996. — S.123-204.
23. Jaspers K. *Fenomenologicheskoe napravlenie issledovanija v psihopatologii / K.Jaspers Sobranie sochinenij po psihopatologii v 2t. Pen.s nem. T.2.* — M.: Izdatel'skij centr «Akademija»; SPb.: «Belyj krolik». — 1996. — S. 91-111.
24. Jaspers K. *Obshhaja psihopatologija. Per s nem.* M.: Praktika. — 1997. — 1056 s.

Сведения об авторе

Пашковский Владимир Эдуардович — д.м.н., профессор кафедры психиатрии и наркологии ФГБОУ ВО «Северо-Западный государственный медицинский университет имени И.И. Мечникова» Минздрава России. E-mail: pashvladimir@yandex.ru